

Глава 28: Причины, следствия и предположения.

Войдя в дом, Е Цин ощутила приятную прохладу, но утрамбованный земляной пол был неровным, чёрным и блестящим от времени.

Внутри не было почти никакой обстановки — лишь у стены на полу лежали в беспорядке бамбуковые и деревянные крестьянские орудия: грабли, мотыги и прочее, сваленные как попало вдоль стенки.

Кроме того, стояла одна бамбуковая табуретка, уже изрядно потрёпанная.

Похоже, это была вся мебель в доме Чэнь Даху.

– Отец, садись! – Е Цин подвела Чэнь Дашаня к табуретке.

– Нет, сынок, ты только вернулся, устал, садись сам! – дрожащим голосом возразил Чэнь Дашань.

– Не надо, я не устал! Садись ты! А я пройду, посмотрю! – Е Цин, конечно, не могла позволить себе сесть, оставив старика стоять.

Усадив Чэнь Дашаня и успокоив его, она начала осматривать дом.

Хоть жильё и было убогим, площадь оказалась немалой — больше двухсот квадратных метров. В центре располагался большой зал, а по бокам — по две комнаты, всего четыре.

Е Цин заглянула в каждую. Две из них давно заброшены: в одной лежали сухие дрова, превратив её в склад для топлива, другая стояла пустой — ни мебели, ничего. Войдя, Е Цин ощутила сырой запах плесени и заметила паутину в углах.

В эту комнату она лишь бросила взгляд с порога и тут же отступила.

Оставшиеся две были в лучшем состоянии. Одна, судя по всему, принадлежала старику: там стояла деревянная кровать, ветхий шкаф — и больше ничего.

На кровати лежали циновка и кусок старой ткани, видимо, вместо одеяла.

Последняя комната, должно быть, была комнатой Чэнь Даху. Обстановка почти такая же, как у отца, но вместо деревянной кровати — бамбуковый лежак. Рядом на полу стоял маленький

шкафчик, приподнятый камнями, а у окна — неожиданно приличный письменный стол!

Похоже, даже в такой бедной семье Чэнь Дашань хотел, чтобы сын учился читать и писать!

Стремление к знаниям в древности было таким, что современникам и не угнаться!

Но, увы, из-за условий, образование оставалось редкостью.

Хотя хозяин этой комнаты ушёл больше двух лет назад, внутри было на удивление чисто.

Бамбуковый лежак блестел, словно отполированный, на стареньком шкафчике не осело ни пылинки, а письменный стол и вовсе сиял чистотой.

Это означало, что после ухода Чэнь Даху Чэнь Дашань всё время поддерживал порядок в этой комнате, сохраняя её чистой и опрятной.

Подумав об этом, Е Цин снова почувствовала, как защипало в носу.

Теперь, оглядываясь назад, она понимала: Чэнь Даху ушёл из деревни, не сказав ни слова, бросил отца, оставил старика одного — это была непростительная неблагодарность!

Но именно поэтому перед смертью Чэнь Даху так упорно твердил о возвращении домой.

На поле боя тогда было столько мёртвых тел — почему же её душа вселилась именно в Чэнь Даху? Возможно, из-за этой его неугасаемой одержимости.

Е Цин изначально не знала, почему Чэнь Даху молча покинул Чэньцзяцунь. Но, вернувшись в деревню, она словно выполнила некое условие, и глубоко скрытые воспоминания пробудились, всплыв в её сознании.

Оказалось, Чэнь Дашань получил сына на старости лет и души не чаял в Чэнь Даху. До десяти лет всё было нормально — мальчишки как мальчишки. Но после десяти лет в теле Чэнь Даху начали проявляться странности.

Например, его мужские признаки развивались плохо. Даже в подростковом возрасте они оставались на уровне пяти-шестилетнего ребёнка.

Силой он тоже уступал сверстникам, часто плакал, кожа была заметно блее, чем у других мальчишек. В детстве его лицо можно было назвать милым, очаровательным, но с возрастом, если оно оставалось таким же, это уже выглядело женственно, изнеженно.

С двенадцати-тринадцати лет Чэнь Даху рос под насмешки и издёвки односельчан. Хрупкий, с тонким голосом и всё более утончёнными чертами, с белоснежной кожей, он не мог тягаться силой с другими парнями своего возраста — прямо как девушка.

Годы таких насмешек сделали его замкнутым.

Из-за высокого голоса он стал молчаливым, из-за мягкого характера его часто обижали и дразнили. Со временем он всё реже общался с прежними друзьями, не играл с ними, а из-за красивой внешности стал мишенью для шуток и поддразниваний деревенских женщин.

Так продолжалось до шестнадцати лет, пока Чэнь Даху внезапно не исчез, и только тогда издёвки прекратились.

Теперь, вспоминая это, Е Цин поняла: он, скорее всего, сбежал в армию, чтобы доказать свою мужественность.

Когда она только вселилась в тело Чэнь Даху, его кожа была тёмной от загара — видимо, он нарочно старался загореть. Но все его усилия пропали даром: теперь она снова побелела!

Это были воспоминания Чэнь Даху, объясняющие, почему он покинул Чэньцзяцунь. Он хотел стать настоящим мужчиной.

Честно говоря, Е Цин считала эту затею наивной. Она не только не принесла пользы, но и заставила Чэнь Дашаня, его отца, пережить два с лишним года полных лишений.

Когда Чэнь Даху родился, его матери было уже за сорок — даже по современным меркам это считалось бы возрастом сверх нормы для родов, настоящее чудо. Что уж говорить о древности, где выносить, и родить ребёнка в таком возрасте было почти невысказано!

Но мать Чэнь Даху умерла, дав ему жизнь, и Чэнь Дашаню пришлось одному, шаг за шагом, выкармливать и растить сына.

А потом, в шестнадцать лет, тот вдруг ушёл — и всё из-за смехотворной причины. Какое же это печальное зрелище.

Осматривая дом Чэнь Даху изнутри и снаружи, Е Цин перебирала его воспоминания и не могла сдержать вздохов и покачиваний головой.

Просто трагедия!

Но теперь эта трагедия легла на её плечи! Судя по воспоминаниям, она начала подозревать: а не страдал ли Чэнь Даху какой-то редкой болезнью?

Что-то вроде ложных хромосом... точное название она забыла — слишком сложное, — но помнила, как читала о подобном в интернете.

Если вкратце, человек рождается с мужскими признаками и считается мальчиком. Но с возрастом эти признаки не развиваются, а начинают угасать. К подростковому возрасту, а то и к двадцати годам, вдруг начинает расти грудь — ненормально для мужчины, но нормально для женщины.

Потом обследование показывает аномалию хромосом: организм вырабатывает женские гормоны, появляются вторичные женские признаки. И вот гром среди ясного неба: двадцать лет жил как мальчик, а оказался девочкой!

В той статье, что она читала, парень в итоге сделал операцию на половых органах и стал девушкой.

Так вот, Е Цин прикинула: а не было ли у Чэнь Даху чего-то похожего?

Если так, это объясняло бы перемены в её теле. То, что казалось совершенно ненаучным, вдруг обрело научное обоснование — и от этого становилось только хуже.

Другими словами, будет ли она практиковать техники или нет, её тело всё равно постепенно станет всё более женственным?

Казалось бы, это хорошая новость, но Е Цин никак не могла этому радоваться.

Тот парень из новостей мог сделать операцию и стать девушкой, а она в этом древнем мире не имела таких возможностей. Неужели ей суждено остаться ни мужчиной, ни женщиной? Тогда уж лучше быть девушкой!

Может, если усердно тренироваться, удастся сотворить какое-нибудь чудо?

Размышляя об этом, она обошла дом изнутри и снаружи, примерно разобравшись в положении дел у Чэнь Даху.

Кроме четырёх комнат внутри, слева во дворе стоял маленький сарайчик — кухня.

В правом углу двора притулилась старая треснувшая цистерна с зеленоватой водой — похоже, её единственное назначение было разводить комаров.

Задний двор был просторным, но почти весь зарос сорняками. Лишь на краю виднелась маленькая грядка с чахлыми овощами — наверное, дело рук Чэнь Дашаня.

Чэнь Дашаню было за шестьдесят, но выглядел он на все семьдесят. Возможно, уход Чэнь Даху так сильно его подкосил, что он состарился раньше времени?

Теперь, когда Чэнь Даху мёртв, пусть она, Е Цин, заменит его и позаботится об этом старике! Спешить куда-то ещё, она не собиралась — да и некуда ей было идти. Чэньцзяцунь казалась неплохим местом, а у неё теперь есть деньги. Может, получится применить свои современные знания и умения, чтобы здесь что-то наладить.

Честолюбия у неё было немного. Ей хватило бы просто жить в этом древнем мире счастливо, свободно и с удобствами — и она была бы довольна.

А через несколько лет, когда Чэнь Дашань уйдёт из жизни, она уже обоснуется здесь, будет в расцвете сил и сможет отправиться путешествовать, посмотреть этот мир. Чем не план?

С такими мыслями она вернулась с заднего двора и увидела, что Чэнь Дашань разговаривает с какой-то женщиной.

Взглянув на неё, Е Цин тут же вспомнила из памяти Чэнь Даху её имя. Это была соседка, которую Чэнь Даху звал третьей тёткой.

— Третья тётя! — почтительно поздоровалась Е Цин. Честно говоря, если Чэнь Дашань выжил, то, скорее всего, не без помощи односельчан. А эта соседка наверняка не раз выручала его.

— Ай! — отозвалась женщина.

Третья тётка откликнулась и внимательно присмотрелась к Е Цин. Чэнь Даху вернулся, но выглядел всё так же женственно. Лицо и шея были слегка вымазаны грязью или чем-то вроде пудры для маскировки, но даже сквозь это было видно, что кожа у него тонкая и нежная. Сотри этот слой грязи — и она, небось, станет белой и чистой!

Жаль, что не девчонка, подумала третья тётка. С такой внешностью её бы заметила какая-нибудь богатая семья, и жила бы в достатке!

Она подумала это про себя, но вслух говорить не стала. После того как Чэнь Даху ушёл, не сказав ни слова, все в деревне поняли, что это их насмешки и издёвки вынудили его сбежать.

Чэнь Дашань тоже это знал, потому и разговаривал с односельчанами мало. Если бы не забота семьи третьей тётки, он, наверное, давно бы тихо угас в своём доме.

Но теперь этот парень, похоже, одумался и вернулся. Судя по одежде — явно не из дешёвых, — он заработал немало денег и решил воротиться с почётом.

Что ж, это уже успех! Теперь Чэнь Дашань заживёт в довольстве! А их семье стоит наладить отношения с ним — вдруг и им что-то перепадёт?

Третья тётка прикидывала в уме свои выгоды, но на лице её заиграла приветливая улыбка. Она ласково сказала:

– Даху! Ты только вернулся, а уже полдень. Дома-то у вас ничего толком нет! Пойдём к нам! Твой третий дядя как раз принёс немного мяса, поедим вместе, отпразднуем твоё возвращение!

– Неудобно как-то! У нас дома ещё есть немного риса... – замялся Чэнь Дашань, явно не желая соглашаться.

Похоже, их разговор до этого и был о том, как третья тётка уговаривала его.

Но Е Цин, в отличие от Чэнь Дашаня, это не смутило. Она сказала ему:

– Третья тётя от чистого сердца зовёт! Давай сходим! Тем более, мне нужно обсудить с третьим дядей ремонт дома!

Услышав, как Е Цин упомянула ремонт дома, глаза третьей тётки загорелись. Чэнь Даху вернулся с деньгами, это точно! Только приехал — и уже задумал чинить дом! А это ведь стоит немалых денег! Вот что значит выбился в люди!

– Ай, ладно! Пойдём тогда! – Чэнь Дашань подумал немного и кивнул в знак согласия.

– Идёмте! – сказала Е Цин. – Отец, я тебя поддержу!

– Вы идите следом, а я побегу, приготовлю закуску к вино! – бросила третья тётка и умчалась, словно ветер.

Е Цин не обратила на неё внимания, лишь помогла Чэнь Дашаню выйти из дома и повела его к соседнему двору третьей тётки.

На этом коротком пути то и дело попадались деревенские жители, которые поглядывали в их сторону, тыкали пальцами и что-то обсуждали — о чём, не разберёшь.

Е Цин не придавала этому значения. Она не была такой ранимой, как Чэнь Даху, чтобы из-за пары слов впасть в ярость. Её характер давно закалился в перепалках с интернет-троллями и стал непробиваемо спокойным!

Дом третьей тётки, хоть и был построен из утрамбованной глины, выглядел куда лучше, чем у Чэнь Даху.

Войдя во двор, Е Цин сразу уловила аппетитный аромат. Тут же из дома вышла третья тётка и засутилась:

– Заходите, заходите! Скорее в дом! На улице жара такая, что голова кругом идёт!

Внутри и правда было заметно прохладнее. На открытом месте стоял небольшой стол, накрытый скромно: три тарелки с едой, кувшин вина и несколько чашек.

Мужчина средних лет, увидев гостей, поспешно встал навстречу. Сначала он поздоровался с Чэнь Дашанем, затем внимательно оглядел Е Цин, кивнул, словно не зная, что сказать, и только повторил:

– Вернулся — и хорошо! Вернулся — и ладно!

Девочка лет двенадцати, тоже бывшая здесь, с любопытством разглядывала Е Цин. Заметив, что та посмотрела в её сторону, она слегка застенялась и сладким голосом позвала:

– Брат Даху!

Это «брат Даху» прозвучало так мило, но Е Цин не сразу смогла вспомнить имя девочки из памяти Чэнь Даху. Наконец, третья тётка, видимо, заметив её замешательство, подсказала:

– Даху, помнишь Цинъя?

Услышав имя, Е Цин припомнила образ девочки и кивнула:

– Помню!

Она говорила, одновременно разглядывая Цинъя, а та смущённо опустила голову.

Е Цин вспомнила: когда она уходила, Цинъя было всего десять. Каждый раз, встречая её, девочка тараторила «брат Даху» то и дело. И теперь, увидев её снова, она всё так же называла её — вот только всё изменилось, и человек перед ней уже не тот, что прежде.
